

УДК 93

DOI 10.25629/НС.2022.04.25

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СБОРНИКА «СТАРИНА И НОВИЗНА» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Юй Цзе

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. На протяжении всего царствования Николая II властью и идеологически близкими ей кругами общественности уделялось значительное внимание сохранению и укреплению памяти об Александре III и его эпохе. Эти коммеморативные практики имели очевидное практическое значение: они способствовали продолжению заданного этим императором политического курса и препятствовали усилившимся после прихода к власти его сына попыткам продолжить реформаторские начинания Александра II. Одним из проектов подобных коммеморативных практик явилось периодическое издание – сборник «Старина и новизна». В нем привлекательный образ Александра III формировался путем прославления не столько его государственной деятельности, сколько частной жизни и личностных качеств. В статье приводится классификация публикаций сборника и анализируется производимый ими пропагандистский эффект.

Ключевые слова: коммеморация, политика памяти, Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, С.Д. Шереметев, Александр III, российский консерватизм.

Введение

Новое направление изучения прошлого – анализ исторической памяти (memory studies) – открывает возможности для рассмотрения отсутствовавшей прежде исследовательской проблематики. Изучаются различные формы сохранения и функционирования памяти – такие, как культурная память, социальная память, коллективная память, индивидуальная память и т.д. Историографический обзор теоретических и практических наработок рассмотрения исторической памяти представлен в работах О.Б. Леонтьевой [4], М.Ф. Румянцевой [9], В.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого [8], А.В. Святославского [10], И.И. Куриллы [3], Н.Б. Селунской [11] и др.

Считается, что проблематика исторической памяти в западной науке развивалась на основе теоретических представлений П. Нора, Э. Хобсбаума и Б. Андерсена, а в России этот процесс протекал в 2000-е гг. преимущественно благодаря трудам Л.П. Репиной и Г.И. Зверевой [2, с. 386]. По мнению Н.Б. Селунской, существенное влияние на развитие этой области исторического знания оказало появление новых электронных средств хранения и транслирования информации, а также форм репрезентации прошлого, цифровизации источников разной типовой и видовой принадлежности. Исследовательница утверждает, что критерием выбора тех или иных источников изучения исторической памяти является «информативный потенциал», он дает возможность «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого» [11, с. 120].

Два научных периодических издания непосредственно занимаются данной темой. Это альманах «Диалог со временем», основанный в 1999 г. Российским обществом интеллектуальной истории под руководством Л.П. Репиной, и выпускаемый с 2010 г. Саратовским университетом сборник «Историк и историческая память». Оба издания являются важными площадками по исследованию феномена памяти в российской историографии [2, с. 386; 10, с. 7].

Однако у этих изданий имелся предшественник, который сам может рассматриваться в качестве исторического источника, – это сборник «Старина и новизна», выпускавшийся Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (ОРРИП) в конце XIX – начале XX в. В общей сложности были изданы 22 книги. Во всех них печатались разные по своему характеру материалы, так или иначе относившиеся к памятованию Александра III, – стихотворения, дневники, записки, письма, воспоминания, статьи и др. Такая издательская политика определялась главной установкой ОРРИП – содействовать укреплению памяти о скончавшемся императоре и соотносить подобную деятельность с «политической конъюнктурой» текущего момента [30, с. 123].

Представления о прошлом зависят от исторического времени, от происходящих в обществе перемен, от появления новых потребностей, практик и смыслов [6]. Интерпретации исторической действительности в значительной степени определяются восприятием интерпретатором синхронной ему реальности. Поэтому каждый индивид неизбежно субъективен в своих воспоминаниях и селективен в выборе целевой аудитории для их трансляции. Однако индивидуальная память не может быть самодостаточной. В целевой аудитории, с которой она находится в коммуникации, в среде «пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний» возникает так называемая коммуникативная память [1, с. 22]. Такая память, как считает А. Ассман, существует в «специфическом временном горизонте», который обусловлен в основном сменой поколений. «Через восемьдесят–сто лет возникает отчетливая цезура», иначе говоря – естественным образом рассеивается данная живая коммуникативная память, чтобы уступить место воспоминаниям следующих поколений. Помимо понятия «коммуникативная память» А. Ассман также предлагает понятие «оперативная память общества». Этот вид памяти выполняет посредническую функцию – он претворяется в книгах, фотоальбомах, дневниках, но при этом не может существенно расширить границы живой памяти.

Но благодаря повествованию, актуализации прошлого и коммуникативному обмену реален переход от индивидуальной памяти к коллективной памяти, которая формируется средствами коммуникации и социальными институтами. Это понятие впервые сформулировано французским ученым М. Хальбваксом. В современных исследованиях существуют разнообразные его трактовки. Для настоящей работы важно подчеркнуть следующие его смысловые составляющие. Во-первых, коллективная память составляется из индивидуальных репрезентаций прошлого, поддерживается или переформатируется за счет живой, коммуникативной или оперативной памяти посредством существующих коммеморативных традиций. Во-вторых, как носитель смысла исторических событий, помещенного в определенный социально-культурный контекст, коллективная память по природе своей всегда является опосредованной, она представляет собой некий фонд, который включает в себя разнообразные памятники истории и культуры: монументы, тексты, изображения, акты коммемораций и др. В-третьих, коллективная память не может быть абсолютно объективной, холодной, безразличной, она всегда принадлежит определенному сообществу или группе людей, связанных между собой общими практическими потребностями в настоящем. Таким образом, коллективная память обладает разными функциями – социальной, культурной, политической – и нацелена на «актуализацию прошлого как необходимого условия для оформления и стабилизации политического действия, с одной стороны, и инструментализации истории для политических целей сегодняшнего дня, с другой стороны» [5, с. 84].

Рассмотрев подходы к изучению памяти в западных исследованиях, Л.П. Репина отмечает, что в российских работах, несмотря на активное обращение к анализу «образов прошлого», а также «комплексов обыденных (массовых) представлений о прошлом», «проблема соотношения мировоззренческого, ценностного, психологического и прагматического аспектов формирования, реорганизации и трансформации образов прошлого» либо игнорируется, либо остается «маргинальной» [7, с. 90]. Думается, что в данном случае проблема обозначена исключительно точно: память – это многослойное в смысловом отношении явление, и оно нуждается именно в комплексном анализе.

Отдельно следует сказать о политике памяти, то есть комплексе таких методов интерпретации прошлого, как коммеморации исторических фигур и событий, исторический нарратив, монументальная политика и т.д., то есть того, что работает на формирование и поддержание коллективной идентичности и коллективной памяти. В настоящее время понятие политики памяти чаще всего используется применительно к области символической политики, иначе говоря – «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [5, с. 33]. В фокусе внимания оказывается «использование прошлого» для нужд настоящего, изучается «роль политического заказа в формировании и закреплении конкретных знаний о прошлом для обеспечения определенных социально-политических задач» [7, с. 89].

Именно в таком ключе и надлежит изучать коммеморативные практики ОРРИП, в частности, тексты выпускавшегося этой организацией сборника «Старина и новизна». Являясь, по сути, коллективным воспоминанием исторического прошлого, коммеморация исходит из потребности в формировании определенной коллективной памяти – для определенных нужд настоящего. То есть, если прибегать к терминам *memory studies*, исследовательская проблема выглядит следующим образом. ОРРИП являлся мнемоническим актором, действовавшим в соответствии собственным видением потребностей текущего момента, а именно – ради сохранения и укрепления памяти об Александре III и его политических приоритетах, а через это – в целях недопущения отказа от курса этого императора и возвращения к курсу Александра II. В этом смысле издание сборника становилось знаковым действием коллективного воспоминания – коммеморативным действием, осуществлявшимся мнемоническим актором.

«Старина и новизна»: конструирование памяти об Александре III

ОРРИП было создано в 1895 г., через несколько месяцев после смерти Александра III, и просуществовало фактически до свержения самодержавия в феврале 1917 г. Целью общества, как гласил его устав, являлось умножение и распространение «знаний по отечественной истории в духе русских начал», проявленных в царствование императора Александра III. Эта цель должна была реализовываться путем сбора и обработки сведений об эпохе Александра III, а также через издательскую деятельность [29, с. 3]. Одним из направлений издательской деятельности и стал сборник «Старина и новизна». У истоков этого начинания стояли председатель ОРРИП С.Д. Шереметев и его соратник, также один из учредителей общества и член его совета, литературовед Л.Н. Майков. Для непосредственного руководства подготовкой и выпуском этого издания в феврале 1896 г. в рамках ОРРИП была образована специальная комиссия, в которую, кроме названных выше лиц, вошли историки Н.П. Барсуков и Н.Д. Чечулин, секретарем комиссии стал племянник Л.Н. Майкова – археограф В.В. Майков [12, с. VI–VII].

В предисловии к первой книге «Старины и новизны» целью издания называлось превращение сборника в «орган для периодического обнародования» «исторических материалов», которые собирало общество. Там же объяснялось и название издания, тем более что журнал с таким названием уже существовал. При Екатерине II его в течение нескольких месяцев выпускал писатель В.Г. Рубан. В XIX в. уже П.А. Вяземский задумал издавать одноименный журнал, однако это намерение не имело развития. Поэтому заимствование обществом этого названия было своего рода данью традиции, поскольку ОРРИП замышляло заниматься временем царствования Александра III, а также «более далекой отечественной стариной», тем более что покойный император проявлял «самое живое и горячее сочувствие» к изучению и популяризации прошлого [12, с. VI]. То есть ОРРИП как мнемонический актор было заинтересовано в пропаганде образа Александра III и его царствования в общественном сознании.

В вышедших книгах сборника было в общей сложности 207 публикаций, из которых 37 специально посвящались памяти Александра III и его царствования. Среди них – воспоминания, письма, статьи, стихотворения, публичные речи, очерк, записка и дневниковая запись. Статистика, включающая в себя общее количество публикаций определенного жанра, номера книг, в которых эти публикации представлены, а также количество занимаемых ими страниц, представлена в таблице.

Виды публикаций «Старины и новизны»

Жанр	Количество	Книги	Общее количество страниц
Воспоминания	12	№ 2, № 3, № 4, № 5, № 7, № 8, № 10, № 11, № 14, № 21	102
Письма	10 публикаций (49 единиц)	№ 1, № 2, № 3, № 4, № 5, № 6, № 10, № 13, № 18	60
Статьи	4	№ 13, № 14, № 16	32
Стихотворения	4	№ 1, № 2, № 5	5
Публичные речи	4	№ 19, № 20, № 21, № 22	5
Очерк	1	№ 15	18
Записка	1	№ 12	1
Дневник	1	№ 17	5

То есть, 37 публикаций по своему жанру были распределены следующим образом: 12 воспоминаний, 10 публикаций из 49 писем, 4 статьи, 4 стихотворения, 4 публичные речи, 1 очерк, 1 записка, 1 фрагмент из дневниковой записи.

Самыми значительными по объему являются воспоминания – они составляют почти половину всего объема публикаций, посвященных памяти Александра III. Среди их авторов был в том числе директор хирургической клиники Харьковского университета, профессор В.Ф. Грубе, который рассказывал, как под руководством и при непосредственном участии Александра III была организована срочная медицинская помощь пострадавшим при крушении императорского поезда под Борками 17 октября 1888 г. [13, с. 339-357]. Музыкант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. А.А. Берс поделился с читателями журнала историей основания хора наследника Александра Александровича, впоследствии переименованного в Общество любителей духовой музыки, а также поведал о его любви и вкусе к музыке [14, с. 312–339]. Шереметев вспоминал поездку цесаревича в Польшу и в Вену; игумен Новофонского монастыря, архимандрит Иерон делился воспоминаниями о посещении императором монастыря 24 сентября 1888 г. Генерал-лейтенант А.Ф. Ритих описывал свои личные встречи с императором, в том числе эпизод из Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. О том же были воспоминания графа Н.Е. Комаровского.

Перечисленные и другие воспоминания роднят некоторые характерные особенности.

Во-первых, воспоминания имеют приватный характер, мемуаристы не упоминают о тех или иных событиях государственного масштаба, они сосредоточены исключительно на своем частном сюжете. Более того, у такого взгляда напрочь отсутствует намерение как-то осмыслить описываемые события, проанализировать их – подача материала сугубо описательная.

Во-вторых, мемуаристы рассказывали об эпизодах повседневной жизни Александра III, в их глазах он представлял близким к народу, а не вершившим большую политику в отдалении от подданных, в своих дворцовых покоях.

В-третьих, значимые исторические события – такие, как, например, участие наследника цесаревича в Русско-турецкой войне, его визиты в Варшаву и Вену, – о которых упоминается в воспоминаниях, являются лишь фоном, но никак не центральными пунктами фокусирования внимания. Целью повествования является вовсе не реконструкция событий большой поли-

тики, в которых участвовал наследник Александр или уже государь Александр III, но воссоздание его живого, непосредственного образа с акцентом на внешность, манеру держаться, живые реплики, реакцию окружавших его лиц и т.д.

В-четвертых, во всех воспоминаниях чувствуются сильное эмоциональное возбуждение, нескрываемый восторг, священный трепет, буквально религиозное благоговение мемуаристов в отношении Александра III, абсолютная вера в него без какого бы то ни было рационального объяснения.

Совершенно очевидно, что воспоминания выполняли значительную коммеморативную функцию. Схематично ее можно изобразить следующим образом. В заглавие воспоминаний выносятся событие, оставившее глубокий след в социальной памяти, – например, Русско-турецкая война или чудесное спасение императорской семьи при крушении царского поезда под Борками. Затем само это событие фактически игнорируется, а на первый план выносятся детали поведения императора, какие-то эпизоды из его повседневной жизни, иные нюансы, которые делают образ царя жизненным и максимально приближенным к повествователю (и, следовательно, читателю), но вместе с тем величественным, буквально сказочным.

В качестве примера можно разобрать «Воспоминание о поездке цесаревича Александра Александровича в Варшаву и в Вену 1875 г.» Шереметева. В центре внимания мемуариста вовсе не эти внешнеполитические акции, а взаимоотношения наследника с опальным генерал-фельдмаршалом А.И. Барятинским. Именно через эти взаимоотношения Шереметев характеризовал будущего императора: «Цесаревич Александр Александрович любил и уважал князя А.И. Барятинского по свойственному ему влечению к порядочности и самостоятельности, особенно им ценимым в среде, ближайшей к престолу. Он вообще сочувствовал во многом взглядам фельдмаршала и глубоко сожалел об его относительном отдалении» [15, с. 440].

Вежливое, мягкое и уважительное отношение Александра III к подданным являлось одной из сквозных тем воспоминаний. Так, Риттих подробно рассказывал о своих встречах с Александром III, когда тот был в разных статусах – великого князя, цесаревича, императора. Для мемуариста наиболее запоминающимся им ярким фактом явилось поведение цесаревича в его бытность командующим Руссукским отрядом Дунайской армии во время Русско-турецкой войны. Мемуарист приводил впечатлившую его историю. Когда наследнику было доложено о приближавшихся превосходящих силах противника и рекомендовано дать команду отступить, он ответил: «Да разве я могу отступить, если на мне лежит обязанность охраны государя и всего тыла армии. Не отступлю». Когда же ему все же пришлось объявить отступление, он вместе со штабом продвинулся примерно на 10 верст, но потом остановился и сказал: «Дальше ни шагу». Автор с удивлением пишет, что после этого по каким-то причинам и турки перестали наступать и «даже отошли назад за горы» [16, с. 313-314]. В этой истории предстает живой образ преданного и мужественного наследника, который безгранично любил своего государя-отца.

Начиная с пятой книги сборника в нем стали публиковаться материалы о поездках Александра III по империи.

К такого рода текстам относятся, например, «Воспоминания очевидца о посещении императором Александром III г. Ярославля в 1881 году». Анонимный автор данных воспоминаний придавал этому царскому визиту особое значение, считал его «знаменательным для всей России», поскольку страна «пламенеет желанием видеть царя и царицу», а также делился собственными чувствами от лицемерия государева посещения Ярославля. «Никогда не забуду этого глубоко затрагивавшего зрелища, – отмечал он. – Невольно думалось, вот когда Бог привел воочию стать и всею душою любоваться и благоговеть пред живою и животворною картиною в истоме, исторически русском духе: воистину, впервые имел небывалое счастье видеть русского царя-батюшку и царицу-матушку» [16, с. 322-323, 326].

Статья «Император Александр III в Карданах в 1888 году» [16, с. 275-279] принадлежит перу другого анонимного автора, писавшего скромнее, без особого употребления пышных фраз, но тем не менее передававшего тот же бурный восторженный, пылающий подъем настроения народа при виде его величества. Аналогичный материал – «Воспоминания архимандрита

Иерона о посещении государем императором Александром III с августейшей семьей монастыря Новый Афон в 1888 г.» [19, с. 267-277] – был составлен Батумским отделом ОРРИП и стал первой публикацией, поступившей не из столиц, а с мест.

Единственным дневниковым материалом стала запись воспитателя будущего Александра III Н.П. Литвинова за 1861 г., в которой рассказывается о поездке цесаревича в Москву [25, с. 393-397]. Автор детально освещает повседневную жизнь наследника и особо подчеркивает его интерес к старине и древней церковной архитектуре.

Общая характерная черта воспоминаний и дневникового фрагмента – это стремление их авторов показать величие государя, его высокие нравственные качества через заурядные и обыденные события, то есть достигнуть пропагандистского эффекта не парадностью и не напыщенной героизацией, а низведением прославляемого лица до уровня простого и доступного человека – близкого и понятного читающему о нем обывателю.

Вторая по объему публикаций группа – эпистолярная. Тематика переписки, как и указанных выше воспоминаний, частная, затрагивавшая конкретные вопросы. Так, с художником А.П. Боголюбовым цесаревич обсуждал приобретение картин за границей, высказываясь при этом о покупаемых произведениях [14, с. 1-14], генералу А.Н. фон Стюрлеру он писал о своем стремлении к простой и спокойной жизни [17, с. 1], император переписывался с бывшим наставником Я.К. Гротом вплоть до кончины последнего [19, с. 1-6]. Следует особо выделить письмо наследника Александра Александровича к другому его наставнику – К.П. Победоносцеву – от 10 марта 1880 г. Несмотря на лаконизм, оно наглядно демонстрирует характер и склад ума цесаревича, сложившиеся и остававшиеся неизменными до конца его жизни. Будущий император признавался, что испытывает зависть к «людям, которые могут жить в глуши, но приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской». При этом он подчеркивал, что в стране «немало подобных людей, но об них не слышим, а работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства» [16, с. 1].

Как и в случае с воспоминаниями и дневником, частный и даже нарочито бытовой характер корреспонденции Александра III должен был формировать высоконравственный и в то же время удивительно простой и светлый образ народного самодержца. То же самое можно сказать и о переписке других корреспондентов, в которой выражается восхищение именно этими качествами Александра III. Так, П.Ф. Перфильева, жена московского губернатора В.С. Перфильева, писала поэту П.В. Шумахеру, как она была представлена императору. Государь поразил ее своей обходительностью и умением располагать к себе: «Я тронута и с самым теплым чувством в сердце. И так мило, так просто он держался, и вам совсем легко. Государь более чем очарователен». На это корреспондент Перфильевой отвечал: «Вас озарило и пригрело солнышко, чудесная Прасковья Федоровна; искренно сочувствую Вашей радости и счастью, так как и мне однажды довелось испытать все прелести доброго привета этой прекрасной царственной четы» [18, с. 469].

Другой пример – письмо Т.И. Филиппова, на тот момент товарища государственного контролера, к жене бывшего обер-прокурора Синода А.П. Толстого – А.Г. Толстой. Филиппов описывал некоторые детали убийства Александра II, но акцент в письме делался на новом императоре и на априорной вере в него: «У меня есть твердая внутренняя вера, ничем внешним и осязательным не подкрепляемая, но тем не менее сильная, что новому государю – за его нравственную чистоту, за его прямоту, за его любовь к России и ко всему, в чем выражаются особенности внутреннего характера и даже внешнего вида русского народа, – дано будет водворить мир в его земле и положить начало восстановлению глубоко потрясенной нравственности нашего народа. Он – образец чести семейной и государственной <...>» [26, с. 2]. В данном случае чеканные формулировки работали в несколько ином регистре – не через манифестацию доступности, близости и понятности державного образа, но путем непосредственной трансляции требуемых оценок.

Необходимо отдельно сказать о письмах Шереметева с Русско-турецкой войны, когда он служил в Рушукском отряде под началом наследника. В этих письмах приводятся многочисленные примеры храбрости будущего императора, его заботы о подчиненных. Например, впечатляет приводимый Шереметевым рассказ, как Александр Александрович лично с лопатой в руках расчистил родник и тем самым обеспечил бывшее с ним войсковое соединение водой [13, с. 333]. В письме чувствуется искреннее восхищение Шереметева цесаревичем: «Нельзя не радоваться, когда слушаешь его здоровые, прямые суждения и удивляешься его верному взгляду на людей» [13, с. 319]. Или: «Турки опять атаковали Шипку, и отброшены с большим уроном. <...> В большой палатке еще слышны разговоры, и раздается голос цесаревича, который меня восхищает своим спокойствием и ясностью» [13, с. 335].

Остальные указанные в таблице публикации «Старины и новизны» материалы – статьи, публичные речи, очерк и записку – можно рассмотреть в качестве одной группы материалов.

Статья историка М.В. Толстого, написанная 21 апреля 1865 г., в день объявления вел. кн. Александра Александровича наследником престола, была преисполнена патетическим чувством. Автор усмотрел «разительное сходство событий» – смерти наследника Николая Александровича и назначения новым наследником второго сына Александра II Александра Александровича в 1865 г., с одной стороны, и смерти князя Феодора Ярославича в ранней юности и назначения новым наследником Александра Ярославича в 1223 г., с другой стороны. То есть будущий государь уподоблялся Александру Невскому. Толстой был убежден в том, что «новый наследник» подобно «тезоименитому ему невскому витязю» станет «утешением державных родителей, честью, славою и счастьем России» [21, с. 257–258].

Другая статья – «В тревожные дни» – была написана октябре 1894 г. писательницей Е.Н. Голвинской в связи с болезнью и кончиной Александра III. Статья проникнута надрывной печалью и представляет собой специфическую коммеморацию через оплакивание [22, с. 522-523].

Памятование Александра III именно и, прежде всего, как человека, исполняющего высокий долг царского служения и при этом остающегося внимательным ко всем своим подданным, присутствует и в статьях, посвященных внешней политике.

Так, статья «Эпизод с рескриптом императора Александра III о русско-финляндских отношениях» была написана К.Я. Гротом на основе записной книжки его отца Я.К. Грота – наставника вел. кн. Александра Александровича. В статье не рассматривались вопросы политики в отношении Финляндии, по сути, текст представляет собой публикацию рескрипта финляндскому генерал-губернатору Ф.Л. Гейдену и разбор истории с его переводом на шведский язык. Грот-старший в совершенстве владел шведским языком, и Александр III поручил ему сделать повторный перевод рескрипта на этот язык, так как предыдущий перевод вызывал нарекания из-за своего качества. Грот-младший восстановил историю подготовки нового перевода, а также описал прием его отца императором в связи с порученной ему работой [22, с. 515-520].

Другая статья – «Александр III в Фреденсборге» – посвящена пребыванию императора в резиденции датской королевской семьи на острове Зеландия. И в этой публикации также уделяется значительное внимание личности государя, характеристике его внешности как «элегантного человека высокого роста с царственной походкой, большой русой бородой и мягкими добрыми глазами». Автор описывает охотничий костюм, в который облачен царь, останавливается на том, как он вырезает на дереве букву D – инициал датского имени Дагмара императрицы Марии Федоровны. То есть в центре внимания снова оказываются не государственные деяния, а любовное и восторг обыкновенным семейным счастьем [24, с. 62-63]. В статье говорится и о восприятии Александра III местными жителями, которые имели возможность неоднократно видеть его, когда он приезжал в Фреденсборг, и которые поставили на своей земле памятник русскому царю. «Памятник очень скромный, – отмечал автор. – Он вызывает в зрителе воспоминание не о великом и могущественном царе, а о любимом доступном человеке, таком, каким его знал и любил народ этой страны» [24, с. 71]. В статье особо подчеркиваются чувства простых датчан к Александру III: «В маленьких домах горожан и крестьян на севере Зеландии везде можно видеть хромофотографированный портрет царя. Жители Фреденсборга

сохраняют сердечное воспоминание о великом царе с ясной и любезной улыбкой; из поколения в поколение будут передавать свои воспоминания, и по мере того, как будут проходить годы, будут возникать легенды о его жизни и его делах. Даже если все эти легенды будут не совсем верны, они все же отразят в себе народное представление о личности царя» [24, с. 72].

В статье о заключении союза России и Франции налицо точно такой же подход: автора интересуют прежде всего не дипломатические сюжеты, а личности Александра III и президента Франции Сади Карно, с которым был заключен договор [27, с. 102].

Подчеркнутая аполитичность материалов сборника, акцентирование внимания на частном и личностном в образе Александра III, на его камерном восприятии на самом деле оказывали на читательскую аудиторию колоссальное психологическое воздействие, какое было не под силу официальной и казенной пропаганде. В такой же тональности выдержана и единственная за все время выхода сборника записка, напечатанная на его страницах. Она была опубликована без введения и комментариев, что затрудняет идентификацию ее автора и выяснение обстоятельств появления. Однако идейное содержание этой записки выражено предельно откровенно – в ней пафосно критикуется либеральная интеллигенция и восхваляются устои, сформировавшиеся при Александре III. «...истинно русские люди воздали и воздают честь почившему государю, постигнутому внутренним чувством, угадывавшему более сердцем, чем умом, сущность русских основ, – говорилось в записке. – Эпоха его, имевшая вид застоя, составила в действительности тот поворотный пункт в нашей истории, когда антирусские стремления вызвали отпор в пробудившемся сознании русского народа и убоялись встретиться лицом к лицу с народным стремлением, воспротивившимся их посягательствам» [20, с. 349].

Единственным исключением из рассматриваемых коммеморативных текстов является очерк В.М. фон Брадке об участии наследника в Русско-турецкой войне. Автор подчеркивает, что именно в ту пору сложились его миротворческие убеждения: «...познав ужасы войны, царь-миротворец далек был от мысли использовать как преданную ему могучую русскую силу, так и свои воинские выдающиеся дарования; Провидению угодно было ниспослать политике Александра III редкий успех, и его слишком временное царствование протекло для России без испытаний, сопряженных с войной» [23, с. 231]. Автор убеждал читателей в том, что на войне Александру Александровичу были присущи решительность, храбрость, терпимость к людям и вера в русского солдата, а также военные дарования, не красноречивыми описаниями, а многочисленными фактами. В публикации приводятся подробные детали военных операций, свидетельствующие об умелом руководстве цесаревича войсками [23, с. 224].

Заключение

Приступая к изданию сборника, ОРРИП назвало целью этого начинания «изучение как недавнего прошлого – жизни и царствования императора Александра III, – так и более далекой отечественной старины» [12, с. VI]. Однако по итогам рассмотрения всех 37 материалов можно сделать вывод, что сборник выступал в роли носителя и распространителя памяти об Александре III, но не в качестве организатора исторических научных исследований эпохи его царствования. Публиковавшиеся материалы в основном транслировали эмоции и чувства, но были лишены исторического взгляда на описываемые события. В этом смысле примечательно намерение историка С.С. Татищева, также члена ОРРИП, написать биографию Александра III. Ему удалось подготовить первый том, охватывающий детство и юность Александра, однако обстоятельства не способствовали продолжению работы, и вскоре автор скончался. Его труд увидел свет лишь через столетие [28].

Вместе с тем совершенно очевидно и то, что коммеморативная функция сборника была выполнена сполна. Другое дело, что не представляется возможным определить, стал ли такой отход от провозглашенной в первой книге задачи преднамеренным или случайным, получившимся произвольно, просто в силу характера поступавших в сборник материалов, которые и задали коррекцию первоначальной задачи: вместо изучения недавнего прошлого – его коммеморация. Обращает на себя внимание и характер осуществлявшейся сборником коммеморации: добродетели и высокие морально-нравственные качества Александра III представлялись

как свойства частного человека. Судя по всему, такой акцент был сделан для того, чтобы дистанцировать коммеморативные практики сборника от стремительно менявшейся (особенно после реформ 1905–1906 гг.) политической конъюнктуры. Подобное решение неизбежно вело к уменьшению потенциальной аудитории, на которую был рассчитан пропагандистский эффект издания. В результате память об Александре III утрачивала свою живую связь с настоящим временем и становилась памятью музеефицированной. Обществу и издававшемуся им сборнику «Старина и новизна» становилось все сложнее управлять коммуникативной памятью для удержания в обозначенных ими границах памяти коллективной.

Библиография

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
2. Захаров О.И. Засеивая новое дисциплинарное поле: обзор содержания межвузовского сборника научных трудов «История и историческая память» // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 386–390.
3. Курилла И.И. История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 36–43.
4. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
5. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
6. Репина Л.П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 28–43.
7. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
8. Ростовцев В.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. № 2. С. 106–126.
9. Румянцева М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 41–54.
10. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
11. Селунская Н.Б. «Спасение от забвения...»: репрезентация прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 4. С. 114–131.
12. Старина и новизна. Кн. 1. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. 324 с.
13. Старина и новизна. Кн. 2. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1898. 385 с.
14. Старина и новизна. Кн. 3. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1900. 371 с.
15. Старина и новизна. Кн. 4. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901. 444 с.
16. Старина и новизна. Кн. 5. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. 327 с.
17. Старина и новизна. Кн. 6. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1903. 367 с.
18. Старина и новизна. Кн. 10. М.: Синодальная типография, 1905. 592 с.
19. Старина и новизна. Кн. 11. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. 298 с.
20. Старина и новизна. Кн. 12. М.: Синодальная типография, 1907. 389 с.
21. Старина и новизна. Кн. 13. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1909. 303 с.
22. Старина и новизна. Кн. 14. М.: Синодальная типография, 1911. 570 с.
23. Старина и новизна. Кн. 15. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1911. 257 с.
24. Старина и новизна. Кн. 16. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1913. V, 185, IV с.

25. Старина и новизна. Кн. 17. М.: Синодальная типография, 1914. 428 с.
26. Старина и новизна. Кн. 18. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1914. 281, 100, 4, 2 с.
27. Старина и новизна. Кн. 19. Пг.: Типография Главного управления уделов, 1915. 330, IX с.
28. Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича. В 2 кн. / Подгот. Текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. ст. Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: сборник документов. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; «Российский Архив»; Российский государственный исторический архив, 2002. С. 5–442.
29. Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. 19 с.
30. Юй Цзе. Коммеморация Александра III и его царствования Обществом ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 119–127.

THE COMMEMORATIVE PRACTICES OF THE *STARINA I NOVIZNA* IN THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

Yu Jie

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Throughout the reign of Nicholas II, the authorities and public circles ideologically close to them paid considerable attention to preserving and promoting the memory of Alexander III and his era. These commemorative practices had an obvious practical value: they sustained Alexander III's political course and thwarted attempts to continue Alexander II's reformatory initiatives after Nicholas II came to power. One of such commemorative projects was the periodical *Starina i novizna*. Its appealing image of Alexander III was formed by glorifying not so much his state activities, but rather his private life and personal qualities. The article provides a classification of the publications and examines the propaganda effect they produced.

Key words: commemoration, politics of memory, Society of Zealots of the Russian Historical Enlightenment in Memory of Emperor Alexander III, S.D. Sheremetev, Alexander III, Russian conservatism.